

УДК 321.01

Особенности социокультурной трансформации современного общества

С.В. Голубев

В статье рассматриваются основные тенденции социокультурной трансформации современного общества. Отмечается, что оно находится на кризисном этапе своего развития, что обусловлено обесценением высших ценностей. Показано, что определяющей тенденцией социокультурной трансформации современной цивилизации является атомизация социального бытия. Последняя, в сочетании с глобализацией мировой экономики и политики, выступает в качестве объективной предпосылки формирования тоталитаризма. В этой связи, в статье делается вывод о необходимости укрепления национальных традиций и государства как необходимого условия свободы и развития человека в современном мире.

Согласно, пожалуй, общему мнению ученых и общественных деятелей современное общество переживает период глубокой и всеобъемлющей социокультурной трансформации. Происходят кардинальные изменения всей системы социальных отношений, распадаются традиционные ценности и складываются предпосылки для появления новых форм организации общественной жизни, нового мирового порядка. Цель настоящей статьи – проанализировать основные особенности этой трансформации для того, чтобы попытаться определить ее направленность и, соответственно, потенциальные характеристики формирующегося в современном мире нового социального порядка.

Материал и методы. В ходе исследования мы использовали логический и диалектический методы, а в концептуально-теоретическом отношении опирались на результаты, полученные Ж. Бодрийяром при изучении феномена «массового общества» и Х. Арндт при анализе предпосылок тоталитаризма.

Результаты и их обсуждение. Каким будет новый мировой порядок, что он принесет человечеству, сегодня можно только предполагать, но некоторые важнейшие тенденции социокультурного развития современного общества, как особого, отличного от традиционного, типа социальной организации, как представляется, уже сейчас поддаются фиксации. Прежде всего, отметим, что этому развитию, по мнению многих мыслителей и ученых, присущи черты цивилизационного кризиса. Об этом говорили едва ли не все крупнейшие философы XX века. Впервые со всей остротой о глубочайшем кризисе европейской цивилизации сказал Ф. Ницше. Он же определил его суть, как «обесценение верховных ценностей», и его главную причину, состоящую в том, что «Бог умер». Метафизическое осмысление кризисного состояния современной цивилизации было дано М. Хайдеггером в «Европейском нигилизме». Социологически «кризис европейской культуры» был прокомментирован А. Вебером [1], а концептуально охарактеризован П.А. Сорокиным в «Социальной динамике». Коллективный «приговор» современности был вынесен философией постмодернизма, которая сама является

ни чем иным, как симптомом кризиса европейской культуры. Культуролог Г.С. Померанц так охарактеризовал духовные предпосылки и суть постмодернизма как социокультурного явления: «В современной культуре господствует нежелание знать, куда движется человеческое общество. Это бегство от истории приводит к идее конца истории, принимает форму искусства без «почвы и судьбы», ушедшего в мир снов и свободной игры форм. Место Бога, абсолюта, бессмертия объявляется пустым. Все предметы воспринимаются как бы на поверхности и держатся на пороге пустоты, цепляясь друг за друга. Нет иерархии глубин, иерархии значительного и ничтожного. ... Это расшатанное состояние духа Запада» [2, с. 298].

Показательно, что такого же, по сути, понимания постмодернизма придерживается и один из крупнейших его представителей Р. Рорти. По его словам: «Сколь ни различны между собой разные определения слова “postmodern”, большинство из них так или иначе выражают ощущение, что потеряна целостность (подчеркнуто нами. – С.Г.)» [3, с. 454]. Но «целостность», целое суть диалектический коррелятив оформленности, *формы*. Целое есть то, что обладает формой. Целостность также есть системность. Целое – это система, то есть то, чему свойственна внутренняя *иерархическая* организация. Наличие целого в мире говорит о том, что мир есть целое, ибо часть не может быть сложнее того, частью чего оно является. Утрата ощущения целостности, поскольку смысл есть принадлежность целого, равносильна также потере смысла и неизбежно приводит к представлению о бессмысленности мира. Поэтому *постмодернистское* «ощущение, что потеряна целостность», конкретно означает, что потеряна способность восприятия формы, иерархии и смысла, в чем и состоит, видимо, новейшее чувство жизни, проявляющееся, в первую очередь, в новой эстетике, в искусстве «Постмодерна». В нем нет канонов и критериев, нет правил и школ, нет общепризнанных авторитетов, нет даже стремления что-либо создавать, красоту или хотя бы наслаждение. В нем у каждого «свое видение», нет ничего устойчивого и определенного, оно все условно, такова и рисуемая им «картина мира». В этом мире невозможен объективный смысл, реальность неотличима от кажимости, человеку в нем не на что опереться и не к чему, по существу, стремиться.

Современная наука приходит к аналогичной, по сути, картине мира. Закономерности становятся «статистическими», порядок «синергетически» сливается с хаосом. Открывается новая «неклассическая рациональность», которая не совсем рациональна. Факт превращается в «высказывание в рамках определенной концептуальной схемы». Истиной массового сознания становится то, что «все относительно», в этом, собственно, и состоит главное по своему «*общественному значению*» научное открытие *Новейшего времени*.

Все это неизбежное следствие системной релятивизации ценностей, ибо как верно отметил А. Маслоу: «Наука базируется на человеческих ценностях и сама по себе является ценностной системой» [4, с. 43]. В новом «постсовременном» мире, где нет ни объективно значимых ценностей, ни объективных фактов, человек утрачивает ориентиры и цели, а в конечном счете и смысл собственной жизнедеятельности, все более превращаясь только в потребителя, в одномерного человека-массу. Соответственно, современное общество как социокультурная реальность все в большей степени стано-

вится обществом «массы». Наиболее яркое описание ее сущности в контексте новейшей социально-политической ситуации дано Ж. Бодрийяром. По его словам, определяющим качеством «массы» является «коллективная изворотливость в нежелании разделять те высокие идеалы, к воплощению которых их призывают – это лежит на поверхности, и, тем не менее, именно это и только это делает массы массами. Массы ориентированы не на высшие цели» [5, с. 19]. Он пишет также, что массы «поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть, инерция, власть, могущество инерции, власть нейтрального. Именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности». И далее: «Истории достойной описания – ни прошлого, ни будущего – массы не имеют. Они не имеют ни скрытых сил, которые бы высвобождались, ни устремлений, которые должны были бы реализовываться», масса – «черная дыра, куда проваливается социальное» [5, с. 7, 8]. Бодрийяр говорит о «массах», что «именно будучи «свободными», они и противопоставляют свой отказ от смысла и жажду зрелищ диктату здравомыслия» и «безразличие масс относится к их сущности» [5, с. 15, 19].

Все это, согласно автору «Конца социального», и является глубинной причиной того, что сегодня политика становится сферой «симуляции, а не репрезентации» и «в действительности политическое уже давно превратилось всего лишь в спектакль, который разыгрывается перед обывателем» [5, с. 26, 45]. Бодрийяр считает, что «производство спроса на смысл» – вот главная проблема системы», так как «без минимальной причастности смыслу власть оказывается всего лишь симулякром» [5, с. 34]. Думается, что в принципе это глубоко верная мысль, во всяком случае, очевидно, что государство не может быть сильным и эффективным, не имея опоры в культурной традиции и нравственных ценностях общества. А дисфункция государства, приводящая к «концу социального», означает, тем самым и «конец индивидуального», *омассовление индивида*.

Последнее в своей эмпирической явленности и есть практический показатель функциональной расстроенности современного социально-политического устройства. Российский исследователь А.М. Руткевич так характеризует эту расстроенность в ее связи с массовлением: «Люди утрачивают смысл жизни, превращаются в нули, сумма которых остается равной нулю. Элементарной аксиомой коллективной психологии Юнг считает моральную и духовную неполноценность массового человека. Он лишен ответственности. От идеалов Свободы, Равенства, Братства в западном обществе почти ничего не осталось – они превратились в лозунги партийных функционеров, демагогов, манипулирующих массами. Переход к тирании и рабству может произойти в любой момент. Таковы неизбежные следствия (подчеркнуто нами. – С.Г.) развития Европы» [6, с. 305–306].

Конечно, относительно того, насколько реальна сегодня возможность «перехода к тирании и рабству», тем более в «любой момент», могут быть разные мнения. Но представляется очевидным, что тоталитаризм как форма социально-политической организации, при которой политическая власть контролирует все сферы жизнедеятельности общества и индивида, есть продукт именно современной цивилизации. Как пишет Э. Гидденс: «Тоталитаризм и современность связаны не только случайно, но и внутренне, как, в частности, сделал очевидным Зигмунт Бауман» [7, с. 346]. История традиционного общества не случайно не знала такого феномена, там он был невозможен.

Непреложным эмпирическим фактом является то, что как отмечает один из самых глубоких исследователей тоталитаризма Х. Арендт, «где бы тоталитаризм не приходил к власти, везде он приносил с собой совершенно новые политические институты и разрушал все социальные, правовые и политические традиции (подчеркнуто нами. – С.Г.) данной страны» [8, с. 597].

Действительно, все исторически известные тоталитарные режимы от якобинской диктатуры во Франции до полпотовской в Кампучии отрицали и стремились разрушить традиционные религию и мораль. Практика, таким образом, показывает, что антитрадиционализм является необходимой существенной стороной тоталитаризма. Эта закономерность объясняется тем, что традиция как таковая представляет собой не только опору, но и *ограничение* власти как таковой, с традицией *приходится считаться*. Тотальная власть, в соответствии с понятием, не может опираться на внешние по отношению к себе основания и не совместима с внешними ограничениями. *Идеально-типическим* условием ее возникновения является аморфное, лишенное структуры, социальное «пространство», только и могущее служить пассивным объектом для тотального конструктивизма власти. Метафизически тоталитаризм есть снятие дифференциации. Как говорит Арендт, «тоталитарное правление всегда превращало классы в массы» [8]. По характеристике известного исследователя А.А. Кара-Мурзы: «Исторические причины возникновения тоталитаризма связаны с разрушением традиционных общностей эмансипацией и социальной активизацией «массового человека», т.н. «восстанием масс» [9, с. 81]. Он говорит, ссылаясь также и на Арендт, что тоталитаризм «фактически упраздняет государство» и «отличается от диктатуры сознательной политикой по аморфизации и деструктуризации социума (подчеркнуто нами. – С.Г.)» [9].

Эти деструктуризация и аморфизация, по существу, сводятся к атомизации социального бытия, *разобщению общества*. Главной социально-структурной предпосылкой тоталитаризма, его необходимым условием является ослабление социальных связей. Ибо находящимся «в связи» труднее манипулировать, его труднее перестраивать по внешнему произволу, в применении к нему сужаются возможности внешнего воздействия-управления. Только из бессвязной, лишенной внутренней структуры-опоры, *массы* можно лепить все, что угодно, только от нее можно *безболезненно* «отрывать кусочки». Соответственно, каждый должен быть «сам по себе», индивид тогда останется «один на один» с властью. То, что это фундаментальное условие тоталитаризма, верно отмечено Х. Арендт: «Тоталитарное господство как форма правления... опирается на одиночество, на опыт тотального отчуждения от мира». «Всеобщее одиночество как условие для распространения террора, этой сущности тоталитарного правления, ... тесно связано с потерей почвы под ногами и ощущением своей ненужности, что стало бичом современных масс...» [8, с. 616, 617]. Индивидуализм, ослабляющий социальные связи и способствующий тем самым омассовлению общества, является, таким образом, необходимой духовной предпосылкой тоталитаризма. Для ослабления социальных связей они должны быть девальвированы, *обесценены* в глазах индивида. В качестве системного такое обесценение предполагает, очевидно, общую релятивизацию ценностей и «девальвацию» традиции как таковой. Заметим также, что эрозия социальных связей, если свобода, как говорил Гегель есть *бытие у себя*, в своем

кругу, сама по себе приводит к эрозии свободы индивида, его «чувства защищенности», которое возможно только на базе «чувства сопринадлежности». Поэтому индивиду в современном обществе постоянно недостает свободы, он требует все новых ее «гарантий».

Тоталитаризм еще и потому антитрадиционен, что традиция структурирует социум, она объединяет людей, *создает общность*. Поскольку традиция в истоке сакральна, она дает устойчивый наиндивидуальный критерий, позволяет построить систему координат для различения «доброе и злого», что препятствует манипулированию поведением индивида и, вообще говоря, способствует обретению им *определенного внутреннего содержания*. Исходя из этого, можно сделать вывод, что чем в большей степени современное государство сохраняет традиционное основание, тем меньше его «массовизация» и тем незначительнее в нем опасность тоталитаризма. Это подтверждается и историческими фактами, не только антитрадиционализмом тоталитарных режимов, но и с другой стороны, тем, что именно те государства, в которых власть опирается на традицию, наиболее далеки от тоталитарных проявлений. Образцом в этом отношении, как известно, является Великобритания, можно назвать и Швейцарию, в которой тоже сильна «власть традиции».

Разрушение традиции, которая есть социальная форма устойчивости и определенности, объективно расширяет возможности управления поведением индивида посредством манипуляции, более того, делает неизбежным, в известном смысле неизбежным, возрастание роли манипуляции в общем процессе социального управления. Манипуляция как способ управления – это воздействие на поведение объекта управления посредством такого оперирования (производства, интерпретации и трансляции) смыслами событий и понятий, которое направлено на формирование у него искаженного, дезориентирующего представления о социальной ситуации с тем, чтобы влиять на его поведение в интересах субъекта управления.

Адекватной манипуляцией социальной средой является постоянно изменяющаяся среда, неустойчивый социальный порядок. Соответственно, манипуляция оказывается адекватным современному государству способом управления. Здесь, кстати, будет уместно упомянуть, что современное общество называют «информационным», ведь манипуляция – суть информационное воздействие. Отсюда же вытекает и возрастание политической роли СМИ. Не случайно, в новейшей философской и научной литературе, анализирующей современное состояние общественно-политической жизни, часто подчеркивается возрастание роли манипуляции в политике. Мы приведем здесь только свидетельство К. Лоренца, одного из классиков *науки о поведении*. «Люди, держащие в своих руках власть в Америке, в Китае и в Советском Союзе, – пишет он, – вполне сходятся между собой в одном вопросе: по их общему мнению, неограниченная кондиционируемость людей в высшей степени желательна» [10, с. 51]. Ученый так характеризует современное положение дел: «никогда еще не было столь действенно массовое внушение, никогда еще манипуляторы не располагали столь развитой, построенной на научных экспериментах рекламной техникой, никогда еще не было у них столь вездесущих «средств массовой информации», как в наши дни... Мы, якобы свободные люди западной культуры, уже не осознаем, в какой степени нами манипулируют... Широко развернутая реклама фабрикантов по своей природе никоим образом не аполитична, а вы-

полняет те же функции, что и лозунги на Востоке» [10, с. 52]. И действительно, сегодня реклама является важнейшим средством программирования поведения масс. Далее Лоренц отмечает, что «самый неотразимый метод, позволяющий манипулировать большими массами людей унифицируя их устремления (подчеркнуто нами. – С.Г.) доставляет мода» [10]. Заметим, что сама возможность манипуляции поведением человека основывается на том, что человеческие потребности удовлетворяются в социальной (а не природной, как у животных) форме. Соответственно, эта форма определяется обществом и может *изменяться*. На этом и построен феномен моды.

Мода по существу своему есть не что иное, как установление определенных образцов-норм удовлетворения потребностей (поведения) в качестве престижных. Она тем самым оказывается механизмом управления жизнедеятельностью индивида. Сегодня существует мода не только на одежду или украшения, но и на продукты питания, жилище, род занятий, отдых, религию, сексуальное поведение, вообще на стиль, образ жизни. В современном обществе следование моде является аналогом, описанного антропологами «престижного потребления», играющего столь важную роль в социальной организации примитивных обществ. С тем принципиальным отличием, что мода *постоянно меняется*. Изменение относится к ее сущности. Мода – суть, воплощенная изменчивость. Ее объективную социальную роль помогает понять язык: латинское “*modus*” – это *мера, образ*. Таким образом, мода в соответствии с понятием есть постоянное изменение (= снятие) *меры, образа*. Практически мода оказывается способом установления изменчивого, не-умеренного и без-образного поведения (в смысле отсутствия устойчивого конкретного образа, с которым индивид идентифицирует свое «Я», впрочем в последнее время все чаще и в эстетическом смысле понятие «безобразное») в качестве *престижного*.

Мода как таковая способствует изменчивости, *мобильности* поведения как таковой. Поэтому ее феномен не известен традиционному обществу, в повседневности которого ей вообще не было места, а традиционные праздничные наряды, («народный костюм») как известно, не менялись веками, не говоря уже о том, что традиционная «мода» была локализована в сфере украшений. В современном обществе мода пришла в повседневность, придав и ей «динамичный» характер. Она, следовательно, «динамизирует», причем постоянно убыстряющимся темпом, социальный порядок во всей его полноте, со всеми вытекающими из этой динамизации последствиями для самоидентификации и жизнедеятельности индивида, являясь к тому же сильнейшим фактором, стимулирующим потребительство.

Мода – специфический феномен *современности*, и в этом качестве, будучи следствием релятивизации ценностей, она, в свою очередь, выступает одной из причин нарастания последней. Именно поэтому мода является важнейшим способом манипуляции поведением индивида и, кстати, еще одним показателем кризиса современной культуры. Мода является одним из средств массовизации общества, существенным моментом «масс-культуры», а манипуляция есть адекватное средство управления массами. К. Лоренц, говоря о моде как «методе манипуляции», в работе с характерным названием «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» специально отмечает сущностную связь как моды в частности, так и вообще возрастания роли манипуляции

как средства управления в современном обществе, со свойственными последнему релятивизмом ценностей и разрывом с традицией.

Поскольку имеет место ослабление, обесценение социальных связей и возрастает роль манипуляции как способа социального управления, постольку наличный социальный порядок становится все более неустойчивым и, соответственно, в современном мире государство принимает все менее определенные формы. Это находит свое выражение, в частности, в очевидном «размывании» суверенитета как атрибута государственности. Сегодня считается обязательным «приоритет норм международного права» над внутригосударственным законодательством. Верховная власть, таким образом, переходит ко все более символическим субъектам с диффузно-коллективной «ответственностью». В конечном счете, к «мировому сообществу» – субъекту вообще не поддающемуся определению-ограничению и фактически претендующему на потенциально безграничные властные полномочия.

Эта высшая инстанция власти практически и юридически постепенно отменяет государство как основную политическую форму. Не случайно в современных политологических исследованиях стало почти общим местом указание на то, что государство постепенно утрачивает статус ведущего субъекта мировой политики. Ему на смену во все большей степени приходят транснациональные корпорации, разного рода международные организации и надгосударственные объединения. Одним из проявлений этой тенденции и мощным фактором ее интенсификации является глобализация. Глобализация относительно недавний феномен, и в науке на сегодняшний день не существует ее четкого определения, что неудивительно, так как понятие «глобализация» представляет собой искусственное новообразование и само по себе весьма неопределенно. Ближайшее к нему по смыслу понятие «глобальный» означает «общемировой». Глобализация, следовательно, в соответствии с понятием есть процесс «обобщения», «обобществления» мира, *сведения* к «общему» его индивидуальностей. Поскольку государство как политическая индивидуальность возможно только в рамках тождества и различия с себе подобными, построение общемирового, *одного* государства означало бы упразднение государственности как таковой и тем самым вероятный «конец истории», которая есть история государств, а кроме того глобальное омассовление общества, а значит и снятие возможности самоидентификации – практически необратимую деперсонализацию индивида.

Важно понимать, что плюрализм мира государств есть следствие культурного плюрализма, разнообразия человечества. Это разнообразие в свою очередь имеет как духовные, так и естественно-природные предпосылки. Оно расширяет адаптационные возможности и, следовательно, перспективы выживания человечества как вида и служит важнейшим источником цивилизационного развития как человечества в целом, так и различных составляющих его народов. Снятие плюрализма государств не может не привести поэтому к существенному снижению общечеловеческого потенциала выживания и развития.

Изучение и осмысление социокультурного содержания глобализации еще только начато социальной наукой, на сегодня можно констатировать, пожалуй, лишь то, что в целом это во многом закономерный, очень сложный и весьма противоречивый фено-

мен. Но представляется очевидным, что, по меньшей мере, в одной из своих тенденций глобализация ведет к эрозии национального государства и омассовлению, «обобществлению» индивида и, тем самым, не столько к «единому человечеству», сколько к глобальной *тотальной массе* и к *тоталитаризму* как адекватной форме ее социально-политической организации.

Заключение. Проведенный анализ основных особенностей социокультурной трансформации современного общества показывает, что важнейшей из них является кризис ценностных оснований социальной жизни, приводящий к разрушению традиции и «омассовлению» индивида. Это, в свою очередь, ведет к неустойчивости социальной структуры современного общества и возрастанию роли манипуляции как средства социального управления. В сочетании с глобализацией и ослаблением влияния национальных государств на ход мировой политики эти особенности создают объективные предпосылки для установления тоталитарного политического режима в глобальном масштабе. Поэтому важнейшим императивом нашего времени является сохранение и укрепление национальных традиций и национального государства как необходимых условий духовного развития и свободы человека в современном мире.

Л и т е р а т у р а

1. Вебер, А. Избранное: Кризис европейской культуры / А. Вебер. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 564 с.
2. Померанц, Г.С. Постмодернизм / Г.С. Померанц // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М.: Новая книга, 2001. – С. 297–298.
3. Рорти, Р. Послесловие: прагматизм, плюрализм и постмодернизм / Р. Рорти // Историко-философский ежегодник. – 2000. – М.: Наука, 2002. – С. 452–460.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
5. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екат., 2000. – 187 с.
6. Руткевич, А.М. На развалинах священных стен / А.М. Руткевич // Магический кристалл. – М.: Республика, 1992. – С. 302–310.
7. Гидденс, Э. Постмодерн / Э. Гидденс // Философия истории. Антология. – М.: Аспектпресс, 1994. – С. 340–348.
8. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
9. Кара-Мурза, А.А. Тоталитаризм / А.А. Кара-Мурза // Новая философская энциклопедия. – Т. 4. – М.: Новая книга, 2001. – С. 81–82.
10. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998. – 492 с.

Поступило 30.10.10